

Староверова Ирина Владимировна

**ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР
ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ:
ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ К КВАЗИСУБЪЕКТНЫМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМ**

***Аннотация:** в главе анализируется влияние генеративного искусственного интеллекта на трансформацию социальной экосистемы, понимаемой как совокупность взаимозависимых институтов, норм, практик, социальных ролей и каналов коммуникации, устойчивость которой обеспечивается согласованностью ожиданий между её элементами. Генеративный ИИ рассматривается как актор по последствиям своего включения в социальные связи и как квазисубъект по способу его восприятия участниками коммуникации: он не является ни субъектом, ни инструментом в традиционном смысле. Прослеживается генеалогия понятия квазисубъекта в сопоставлении с акторно-сетевой теорией, теорией социального действия и концепцией «иной социальности». Кризис образования, рынка труда, права и науки рассматривается как система экосистемных противоречий и разрывов, возникающих вследствие несовместимости институциональных требований к использованию ИИ. Вводится концепция множественности локальных социальных консенсусов, каждый из которых представляет собой особый способ «закрытия чёрного ящика» ИИ. Анализируются механизмы формирования доверия к ИИ через концепции «чёрного ящика» и симулякров. Предлагаются принципы восстановления согласованности социальной экосистемы.*

***Ключевые слова:** генеративный искусственный интеллект, социальная экосистема, квазисубъект, акторно-сетевая теория, чёрный ящик, симулякр, социальные институты.*

Abstract: *the chapter examines the impact of generative artificial intelligence on the transformation of the social ecosystem, understood as a set of interdependent institutions, norms, practices, social roles and communication channels whose stability is maintained through the coordination of expectations among its elements. Generative AI is considered an actor in terms of the consequences of its inclusion in social relations and a quasi-subject in terms of how it is perceived in communication, while being neither a subject nor an instrument in the traditional sense. The genealogy of the quasi-subject concept is traced through comparison with actor-network theory, the theory of social action and the concept of «other sociality». The crises of education, the labour market, law and science are interpreted as a system of ecosystem contradictions and ruptures arising from incompatible institutional requirements concerning AI use. The chapter introduces the concept of multiple local social consensuses, each representing a particular way of closing the AI «black box», analyses the mechanisms that generate trust in AI through the concepts of the black box and simulacra, and proposes principles for restoring coherence within the social ecosystem.*

Keywords: *generative artificial intelligence, social ecosystem, quasi-subject, actor-network theory, black box, simulacrum, social institutions.*

Введение

Появление генеративного искусственного интеллекта стало не просто технологической инновацией, а событием, которое по своему масштабу сопоставимо с появлением письменности или книгопечатания. Впервые в истории человечество создало систему, способную имитировать саму суть человеческого — осмысленную речь. И эта система стремительно встраивается в ткань повседневности, меняя привычные паттерны взаимодействия, оценки информации и распределения ответственности.

Однако ИИ не просто встраивается в уже готовую систему социальных институтов как очередной инструмент — он дестабилизирует саму эту систему. Под социальной экосистемой мы понимаем совокупность взаимозависимых институтов, норм, практик, социальных ролей и каналов коммуникации, устойчивость

которой обеспечивается не неизменностью отдельных элементов, а согласованностью ожиданий между ними. В отличие от социальной системы в понимании Парсонса, предполагающей определённую степень нормативной интеграции и согласованности ролевых ожиданий, экосистема может воспроизводиться при множественности локальных порядков и конкурирующих способов определения одной и той же технологии. Экосистемная рамка не отменяет системного анализа, однако смещает внимание с нормативной интеграции общества на взаимозависимость элементов, действующих в рамках различных институциональных логик. Образование должно формировать компетенции, востребованные рынком труда; право – закреплять границы допустимого поведения и распределять ответственность; наука – вырабатывать критерии достоверности и добросовестности. Каждый институт сохраняет относительную автономию, но результаты его деятельности становятся условиями функционирования других институтов. Поэтому изменение правил внутри одного из них неизбежно распространяется по всей экосистеме.

Генеративный ИИ нарушает эту согласованность, поскольку одновременно включается в производство знания, профессиональную деятельность, правовые отношения и повседневную коммуникацию, но получает в каждой из этих сфер различный социальный статус. Там, где рынок труда видит обязательную компетенцию, образование нередко видит нарушение самостоятельности; там, где маркетинговый дискурс конструирует образ разумного помощника, право вынуждено отрицать наличие воли и ответственности; там, где научное сообщество требует прозрачности использования ИИ, запретительная практика стимулирует его сокрытие. Возникают не отдельные отраслевые трудности, а экосистемные противоречия – несовместимость норм и ожиданий различных институтов относительно одной и той же технологии.

Постараемся проанализировать, каким образом включение генеративного ИИ как квазисубъекта во взаимодействия между людьми и институтами нару-

шает согласованность социальной экосистемы, выявить возникающие экосистемные противоречия и разрывы и предложить принципы, на которых может быть построена новая система институционального взаимодействия.

1. ИИ как квазисубъект социальных отношений

Чтобы понять природу происходящих изменений, необходимо прежде всего определить, чем именно является ИИ в социальных отношениях. Традиционная дихотомия «субъект – инструмент» здесь не работает. ИИ не является инструментом в привычном смысле. С калькулятором не спорят, у него не просят совета, на него не ссылаются как на авторитет. С ИИ же всё это происходит. В повседневной речи закрепились характерные речевые маркеры: «нейросеть сказала», «ChatGPT считает», «я попросил его проверить». Форма взаимодействия воспроизводит диалог, хотя за ней не стоит общение в человеческом смысле. Но ИИ не является и субъектом. У него нет личности, биографии, самосознания, ценностной системы. Он не может нести ответственность за свои «слова» и не имеет собственных целей. Его ответы – результат статистической обработки гигантского массива текстов, а не выражение позиции или интенции.

Для описания этого промежуточного статуса автором было предложено понятие квазисубъекта – элемента социальных отношений, с которым обращаются как с субъектом (задают вопросы, ожидают осмысленного ответа, ссылаются на его «мнение»), хотя он не обладает необходимыми основаниями субъектности [6]. Квазисубъектность – это не внутреннее свойство машины, а социальный статус, возникающий на пересечении технологических особенностей ИИ (способность генерировать связные, адаптивные ответы) и психологической склонности человека видеть за осмысленной речью личность. Появление квазисубъекта – своеобразный вызов, и чтобы оценить масштаб этого вызова, необходимо проследить, как социальная мысль осмысляла нечеловеческих акторов и почему имеющиеся концепции недостаточны для анализа ИИ.

Наиболее влиятельной попыткой включить нечеловеческие объекты в социальную теорию стала акторно-сетевая теория (Actor-Network Theory, ANT), разработанная Б. Латуром, М. Каллоном и Дж. Ло. ANT радикально уравнила людей

и нечеловеческие объекты как «актантов» – элементов сети, которые оставляют в ней след, меняя поведение других актантов [10]. Однако все классические нечеловеческие актанты, описываемые ANT, воздействуют на поведение людей либо через физическое принуждение, либо через институциональный авторитет. Лежащий полицейский принуждает водителя снизить скорость через физическое воздействие на автомобиль. GPS-навигатор направляет водителя, но его авторитет основан на доверии к картографам и программистам, создавшим карту. Вирус гриппа перестраивает поведение миллионов людей, но его организующая сила опосредована институтом медицины, который предписывает меры предосторожности. Во всех трёх случаях за нечеловеческим актантом стоит либо физическая причинность, либо институциональная гарантия.

В терминах акторно-сетевой теории ИИ может быть признан актантом, поскольку его включение в сеть взаимодействий изменяет действия других участников. Однако понятие актанта фиксирует прежде всего способность элемента производить изменения и не объясняет специфического механизма воздействия генеративного ИИ. Он не воздействует на пользователя физически и не опирается на авторитет какого-либо института. Его влияние реализуется через коммуникацию, создающую иллюзию субъектности. Именно эта иллюзия – а не физическое принуждение и не институциональный авторитет – заставляет пользователя доверять ответам нейросети и выстраивать с ней отношения, характерные для межчеловеческого взаимодействия. Поэтому для анализа его особого положения в коммуникативных отношениях требуется понятие квазисубъекта.

Классическая теория социального действия также оказывается неадекватной. М. Вебер определял социальное действие через субъективно подразумеваемый смысл, который действующий вкладывает в своё поведение и который ориентирован на поведение других [14]. Т. Парсонс развил эту идею, связав социальное действие с нормативной ориентацией и институциональными рамками [12]. ИИ генерирует тексты, которые воспринимаются как осмысленные, но сам не вкладывает в них никакого субъективного смысла. Возникает парадокс, который классическая теория действия не разрешает: поведение, лишённое субъективного

смысла, воспринимается другими участниками взаимодействия как осмысленное и вызывает реакции, характерные для подлинного социального действия.

В современной российской социологии предпринимаются попытки осмыслить этот парадокс. А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова вводят понятие «иной социальности» для описания отношений, возникающих при появлении небιологических интеллектуальных агентов [5]. Они фиксируют формирование новой формы социальности, однако не предлагают специального понятия для самого агента, оставляя его статус неопределённым. Концепт квазисубъекта заполняет эту лакуну: он называет того, кто является источником «иной социальности», и тем самым превращает описание феномена в инструмент его анализа. Таким образом, понятие квазисубъекта возникает не в теоретическом вакууме, а как ответ на ограничения существующих теорий – ANT, теории социального действия и концепции «иной социальности». Каждая из них схватывает отдельные аспекты феномена, но ни одна не даёт целостной картины. Квазисубъект – это попытка такую картину построить.

2. Экосистемные противоречия и кризис традиционных институтов

Встраивание квазисубъекта в повседневные практики дестабилизирует ключевые социальные институты. Однако речь идёт не о нескольких параллельных кризисах, каждый из которых локализован в собственной сфере. Образование, рынок труда, право и наука связаны отношениями взаимной зависимости: они производят компетенции, нормы, знания и критерии ответственности, которые используются другими элементами экосистемы. Поэтому различные способы институциональной реакции на ИИ порождают экосистемные противоречия, при которых нормы одного института вступают в конфликт с требованиями другого.

Образование. Студент получает доступ к «оракулу», который способен за секунды сгенерировать связный текст на любую тему. Преподаватель, годами встраивавший курсы и формы контроля, обнаруживает, что привычные инструменты перестают работать: реферат, эссе, домашнее задание – всё это может быть выполнено машиной без какого-либо участия студента. Более 80% обучающихся

уже используют нейросети в учебных целях [1]. Реакция образовательных институтов оказывается очевидно преимущественно запретительной. Внедряются детекторы ИИ-текста, ужесточается антиплагиатная политика, а подозрение в использовании нейросети влечёт дисциплинарные последствия. Однако эта стратегия неэффективна. Во-первых, технические средства контроля дают высокий процент ложных срабатываний, маркируя как «сгенерированные» полностью самостоятельные работы [7]. Во-вторых, запрет лишь загоняет проблему внутрь: студент не перестаёт пользоваться ИИ, но теперь делает это скрытно.

Более того, запретительная политика входит в прямое противоречие с запросами других институтов – прежде всего рынка труда. Студент оказывается в парадоксальной ситуации: от него требуют навыков, которые система образования не формирует, а в ряде случаев активно подавляет. Это противоречие образует экосистемный разрыв между институтом производства компетенций и институтом их последующего использования: правила, обеспечивающие формальную академическую добросовестность внутри образования, одновременно снижают готовность выпускника к профессиональной деятельности за его пределами.

Рынок труда. Если образование реагирует на появление ИИ в первую очередь запретами, то рынок труда демонстрирует противоположную реакцию. По данным HeadHunter, к 2026 году количество вакансий, требующих навыков работы с ИИ, выросло в 2,7 раза, а сами навыки стали восприниматься «не как преимущество, а как новый универсальный стандарт» [2]. SuperJob фиксирует аналогичную динамику [13]. Важно подчеркнуть, что запрос смещается количественно и качественно: если первоначально ИИ-компетенции требовались преимущественно от IT-специалистов, то теперь они стали общепрофессиональным требованием для клиентских менеджеров, маркетологов, копирайтеров, финансовых аналитиков и даже медицинских работников. Однако этот запрос имеет специфику, которую работодатели пока не всегда артикулируют, но которая принципиальна для понимания кризиса. Рынок ожидает от специалистов не просто «умения нажать кнопку», а способности критически оценивать машинный ответ,

верифицировать данные, выстраивать осмысленное взаимодействие с нейросетью. Иными словами, требуется не делегирование мышления машине («протез мозга»), а партнёрство, при котором ИИ берёт на себя рутинные операции, а человек сохраняет за собой постановку задачи, проверку результата и ответственность за итог («экзоскелет интеллекта»). Однако без специального обучения большинство пользователей тяготеет к первой модели. Опросы показывают, что лишь 12% специалистов проходили хоть какое-то обучение критическому использованию нейросетей [4]. Возникает структурный разрыв между запросом рынка и образовательной практикой, который является частью общего кризиса экосистемы. Студент, выходящий на рынок труда, должен владеть навыками, которым его никто не учил, — и при этом несёт риски, связанные с некритическим использованием ИИ, о которых его тоже никто не предупредил. Рынок труда в данном случае присваивает результат, который не был институционально произведён: он требует компетентного пользователя ИИ, но перекладывает формирование этой компетентности на самого индивида.

Право. Здесь кризис проявляется в вопросе о том, кому принадлежат результаты деятельности ИИ и может ли сам ИИ быть субъектом права. Европейский парламент обсуждал возможность создания статуса «электронного лица» [9], однако эта идея встретила критику. Действительно, наделение ИИ правосубъектностью сталкивается с фундаментальным препятствием: отсутствием воли и деликтоспособности. Субъект, который не может нести ответственность, не может быть полноценным участником правовых отношений. Характерным проявлением этой проблемы стало дело *Mata v. Avianca*, в котором адвокаты представили суду подготовленный с использованием ChatGPT документ, содержащий ссылки на несуществующие судебные решения [11]. Суд возложил ответственность не на техническую систему, сформировавшую ложные сведения, а на профессиональных участников процесса, которые использовали их без проверки. Этот случай показывает пределы квазисубъектности ИИ: коммуникативно он может восприниматься как источник знания, однако юридически не становится носителем обязанности проверить информацию и не способен отвечать за последствия её

использования. Однако и отказ от решения проблемы не конструктивен. Результаты деятельности ИИ уже существуют в правовом поле, и отсутствие ясных норм порождает неопределённость. Для её преодоления необходимо различать результат генерации ИИ (РГИ) и результат интеллектуальной деятельности (РИД): первый представляет собой результат машинной генерации, который сам по себе не обладает признаками творческого произведения человека; второй возникает после осмысления и творческой обработки материала человеком.

Наука. В науке аналогичная проблема приобретает форму кризиса верифицируемости. Генеративный ИИ способен создавать тексты, внешне воспроизводящие структуру научной аргументации, включая терминологию, ссылки и правдоподобные выводы, хотя указанные источники, эмпирические данные или логические связи могут не существовать. Тем самым ИИ позволяет массово производить не просто ложные утверждения, а формально убедительные симуляции научного знания. Ответом научного сообщества стало формирование норм прозрачности: ИИ не может быть автором, а его использование должно быть раскрыто [8].

Рассмотренные реакции образуют единую систему противоречий. Образование связывает добросовестность с отказом от ИИ или сокрытием его использования; рынок труда – с эффективным владением им; наука – с прозрачностью и личной ответственностью автора; право – с необходимостью установить человека, которому может быть вменён результат действия. Один и тот же участник экосистемы вынужден последовательно принимать несовместимые роли: студент должен не использовать ИИ, работник – использовать его постоянно, исследователь – раскрывать использование, а субъект права – отвечать за результат независимо от фактической степени машинного участия. Именно несовместимость институциональных ожиданий, а не сама технология как таковая, превращает распространение ИИ в экосистемный кризис.

3. Множественность консенсусов как источник напряжения

Кризис традиционных институтов усугубляется тем, что единый социальный консенсус относительно ИИ до сих пор не сложился. В настоящей главе консенсус понимается в латуровском смысле – не как полное и окончательное согласие всех участников, а как стабилизация определённой интерпретации объекта, на которой споры временно прекращаются и «чёрный ящик» оказывается закрытым. Обычно технология сравнительно быстро получает устойчивый социальный статус: формируются разделяемые правила её применения, границы допустимого и понятные способы распределения ответственности. С генеративным ИИ этого не произошло на уровне всей социальной экосистемы.

Вместо единого экосистемного консенсуса в разных социальных средах формируются локальные консенсусы – относительно устойчивые соглашения о том, чем является ИИ, для чего он может использоваться и кто отвечает за последствия его применения. Каждый из них позволяет отдельной среде временно закрыть собственный «чёрный ящик», но эти способы закрытия несовместимы между собой. Можно выделить пять таких сред и, соответственно, пять консенсусов.

Научное сообщество и международные издательские нормы. Здесь сложился наиболее артикулированный консенсус: ИИ не может быть автором, использование ИИ должно быть раскрыто, автор несёт полную ответственность за содержание работы. Эти нормы зафиксированы, в частности, в документах COPE [8]. Консенсус строится на прозрачности.

Образовательные институты. Здесь консенсус обратный. Многие вузы заняли запретительную позицию, ужесточая антиплагиатную политику и внедряя детекторы ИИ-текста. Консенсус строится на запрете.

Разработчики и маркетинговый дискурс. Здесь формируется третий вариант: ИИ позиционируется как «супермозг», который «всё сделает за вас и лучше вас». Маркетинговые стратегии компаний-разработчиков целенаправленно подчёркивают мощь и «разумность» нейросетей. Консенсус строится на своеобразной сакрализации.

Рынок труда. Как было показано выше, здесь консенсус иной: навыки работы с ИИ становятся обязательным требованием, но без какой-либо системы обучения. От выпускника ожидают владения навыками, которым его никто не учил. Консенсус строится на требовании без обучения.

Массовые пользователи. Наконец, наиболее стихийный, но и наиболее массовый консенсус формируется среди обычных пользователей. Здесь ИИ воспринимается как «оракул», чьи ответы принимаются на веру. Консенсус строится на некритическом доверии.

Эти пять консенсусов не просто различны – они закрепляют несовместимые модели поведения и потому вступают в прямой конфликт. Студент, которого рынок поощряет использовать ИИ, а вуз наказывает за это, оказывается в эпицентре экосистемного разрыва. Учёный, следующий нормам прозрачности, рискует быть обвинённым в недобросовестности теми коллегами, которые придерживаются запретительной позиции. Разработчик, маркетирующий ИИ как «сверхразум», способствует формированию у пользователей завышенных ожиданий и некритического доверия, тогда как право и наука вынуждены возвращать ответственность человеку. Локальная стабилизация внутри каждого института, таким образом, не устраняет неопределённость, а переносит её на границы между институтами. Напряжение в социальной экосистеме порождается не отсутствием любых правил обращения с ИИ, а множественностью локальных правил, каждое из которых внутренне рационально, но не согласовано с другими. Экосистема распадается на несколько нормативных контуров, по-разному определяющих статус ИИ, допустимые формы его использования и пределы человеческой ответственности. Именно здесь наиболее ярко проявляется отличие экосистемного взгляда от классической парсоновской оптики. Следовательно, задача состоит не в устранении различий между институтами и не в навязывании им единой модели, а в формировании метаконсенсуса – общего набора принципов, позволяющего согласовать локальные режимы и устранить наиболее разрушительные экосистемные разрывы. Особую роль в этом процессе может взять на себя система

образования, если перейдёт от запретительной стратегии к стратегии формирования культуры.

4. «Чёрный ящик» и симулякры: почему мы доверяем ИИ

Почему же люди склонны доверять квазисубъекту, не обладающему ни знанием, ни ответственностью? Ответ на этот вопрос требует обращения к двум концептуальным рамкам.

Первая – концепция «чёрного ящика», введённая Б. Латуром. «Чёрный ящик» – это технология, внутреннее устройство которой скрыто от пользователя, а работа воспринимается как магия [10]. Генеративный ИИ – классический пример: пользователь видит «вход» (запрос) и «выход» (ответ), но не понимает, что происходит внутри. Эта непрозрачность способствует «оракулизации» ИИ – восприятию его как авторитетного источника, чьи ответы не требуют проверки.

Вторая рамка – теория симулякров Ж. Бодрийяра. Симулякр – это копия, за которой не стоит оригинал, знак, оторвавшийся от референта и существующий по собственным законам [3]. Продукт генеративного ИИ может быть рассмотрен как симулякр: он обладает внешними признаками осмысленного высказывания, но за ним не стоят собственные знание и интенция говорящего субъекта. При этом точность ИИ – его способность часто «попадать» в истину – объясняется не его интеллектом, а статистической природой самого языка: ответы нейросети верны постольку, поскольку они отражают наиболее типизированные, разделяемые большинством смысловые конструкты.

Таким образом, «чёрный ящик» создаёт условия для доверия, а симулякр – для иллюзии истины. Вместе они порождают феномен «оракула XXI века» – технологии, которой доверяют без достаточных оснований. На уровне социальной экосистемы это доверие становится самостоятельным фактором рассогласования: институциональные нормы обращены к рациональному и ответственному пользователю, тогда как сама форма коммуникации с ИИ воспроизводит отношения с авторитетным субъектом и подталкивает к делегированию ему суждения.

5. Принципы построения новой экосистемы

Кризис традиционных институтов, множественность конкурирующих локальных консенсусов и механизмы некритического доверия к ИИ требуют не тактических корректировок, а восстановления согласованности социальной экосистемы. Новая экосистема не предполагает одинакового отношения к ИИ во всех сферах: образование, право, наука и рынок труда выполняют различные функции и не могут руководствоваться идентичными правилами. Однако их нормы должны быть совместимы, а переход человека из одной институциональной роли в другую не должен требовать от него взаимоисключающего поведения.

Выделим ключевые принципы такого согласования.

От запретов к легализации. Запретительная стратегия не работает ни в одной из рассмотренных сфер, поскольку она не останавливает использование ИИ, но переводит его в «серую зону», лишая возможности контролировать и регулировать этот процесс. Легализация ИИ с чёткими правилами, напротив, возвращает контроль и позволяет выстраивать осмысленные стратегии взаимодействия. Опыт передовых компаний подтверждает это: «Год назад мы запрещали использование ИИ и блокировали доступ. Сейчас мы поняли: не запрещать, а учить сотрудников корректно формулировать запросы, интерпретировать результаты». В экосистемном измерении легализация означает перевод использования ИИ в пространство общих и сопоставимых правил, благодаря которым образование, рынок труда, наука и право получают возможность не отрицать практики друг друга, а согласовывать их.

От контроля к формированию культуры. Невозможно проконтролировать каждый случай использования ИИ – точно так же, как невозможно было проконтролировать каждый случай использования калькулятора или интернета. Однако можно сформировать культуру осмысленного взаимодействия с этим инструментом. Ключевую роль здесь играет образование, причём не столько техническое, сколько гуманитарное: именно философия, этика, логика и социология дают категориальный аппарат, позволяющий анализировать статус ИИ, не впадая ни в антропоморфные иллюзии, ни в технофобию. Культура взаимодействия с ИИ становится общим ресурсом экосистемы: она позволяет одному и тому же человеку

действовать осмысленно и ответственно в роли студента, работника, автора и участника правовых отношений.

От конкуренции к синергии. Преподаватель не должен конкурировать с ИИ за авторитет в глазах студента – эту конкуренцию он заведомо проигрывает в скорости и полноте ответов. Но он может занять позицию наставника, который показывает, как с ИИ работать: где нейросеть сильна, а где она ошибается, как проверять её ответы и как использовать её как инструмент, усиливающий, а не заменяющий мышление. Эта позиция – позиция «экзоскелета интеллекта» – возвращает преподавателю авторитет на новом уровне. Тем самым образование перестаёт производить запрет, противоречащий запросу рынка труда, и начинает выполнять собственную экосистемную функцию – формировать способы деятельности, которые затем могут быть безопасно использованы в других институтах.

От формальной проверки к содержательной экспертизе. Система контроля, основанная на формальной проверке текста (антиплагиат), в эпоху ИИ становится не просто бесполезной, но и вредной. ИИ генерирует уникальный текст каждый раз, так что формально такой текст всегда «оригинален». Одновременно добросовестный автор, чей стиль по каким-то причинам «похож на ИИ», может быть ошибочно обвинён в несамостоятельности. Единственный выход – перенос акцента с формальной проверки на содержательную экспертизу: оценку новизны, логики, аргументации, творческого вклада автора. Такой переход одновременно сближает образовательные и научные критерии добросовестности и устраняет разрыв между формальной оригинальностью текста и реальным интеллектуальным вкладом человека.

Прозрачность и ответственность. Наконец, базовым принципом новой экосистемы должна стать прозрачность использования ИИ. Любой автор – студент, учёный, журналист – должен раскрывать, использовался ли ИИ при подготовке работы и в каком объёме. Это не стигматизация, а норма научной и профессиональной добросовестности, аналогичная требованию указывать источники. Ответственность за содержание работы всегда лежит на человеке, независимо от

того, какие инструменты он использовал. Прозрачность выступает здесь механизмом соединения различных институциональных режимов: она позволяет использовать ИИ там, где это допустимо, сохранять проверяемость результата и однозначно закреплять ответственность за человеком.

При подготовке настоящей главы генеративные модели DeepSeek и ChatGPT на базе GPT-5.6 использовались для стилистической проверки и правки, а также для выявления логических неточностей, спорных формулировок и пробелов в аргументации автора.

Заключение

Появление генеративного ИИ – это вызов, который требует пересмотра принципов, на которых строится социальная экосистема. Традиционные институты – образование, рынок труда, право, наука – переживают не изолированные кризисы, а кризис взаимной согласованности, вызванный включением генеративного ИИ в социальные отношения. По последствиям такого включения ИИ выступает актором, а по способу его восприятия участниками коммуникации – квазисубъектом. Он одновременно участвует в производстве текстов, знаний, решений и профессиональных результатов, но его статус, допустимость использования и связь с человеческой ответственностью определяются в разных институтах по-разному. В каждой социальной среде формируется собственный локальный консенсус, позволяющий временно закрыть «чёрный ящик» ИИ, однако несовместимость этих консенсусов порождает экосистемные противоречия и разрывы: образование запрещает то, что рынок труда превращает в обязательную компетенцию; маркетинговый дискурс приписывает ИИ субъектность, которую отрицает право; научная норма требует прозрачности там, где запретительная политика формирует практику сокрытия. Поэтому источником кризиса является не только сама технология, но и рассогласованность институциональных способов её освоения.

Ключевое условие успешной адаптации – формирование метаконсенсуса, который не отменяет специфику отдельных институтов, но устанавливает совместимые принципы их взаимодействия: от запретов к легализации, от контроля к

формированию культуры, от конкуренции к синергии, от формальной проверки к содержательной экспертизе, от сокрытия к прозрачности. Новая социальная экосистема должна строиться не на вытеснении квазисубъекта и не на признании его полноценным субъектом, а на ясном распределении функций: машина генерирует и обрабатывает, человек ставит цели, проверяет результат, принимает решение и несёт ответственность. Институты, которые смогут согласовать свои нормы вокруг этого разделения, не только сохраняют устойчивость, но и усилятся, превратив ИИ из источника экосистемного разрыва в ресурс развития.

Список литературы

1. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении / И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаршвили, О.В. Крухмалева [и др.] // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24. №2. – С. 335–353. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353. EDN OAUOBU
2. Аналитика hh.ru: За год спрос на навыки работы с ИИ вырос в 2,7 раза // HeadHunter. – 2026.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: ПОСТУМ, 2015.
4. НАФИ. Искусственный интеллект в российских компаниях: ожидания и реальность: аналитический отчёт. – М.: НАФИ, 2025.
5. Резаев А.В. Иная социальность: опыт теоретической рефлексии / А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова // Социологические исследования. – 2025. – Т. 51. №11. – С. 13–24. DOI 10.7868/S3034577X25110021. EDN YCAINZ
6. Староверова И.В. Искусственный интеллект как квазисубъект социальных отношений: постановка проблемы / И.В. Староверова // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 19 мая 2026 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 158–160. DOI 10.31483/r-166761. EDN DTSXSN
7. Студентов массово не допускают к защите дипломов из-за ошибок антиплагиата // ТАСС. – 2026.

8. COPE Council. COPE Position – Authorship and AI Tools // Committee on Publication Ethics. – 2023.
 9. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // Official Journal of the European Union. – 2018. – C 252. – P. 239–257.
 10. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society / B. Latour. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
 11. Mata v. Avianca, Inc. – 22-cv-1461 (PKC), U.S. District Court, Southern District of New York, 2023.
 12. Parsons T. The Social System / T. Parsons. – Glencoe, IL: Free Press, 1951.
 13. SuperJob: Работодатели стали в 2,5 раза чаще требовать навыки работы с ИИ // SuperJob. – 2026.
 14. Weber M. Economy and Society / M. Weber. – Berkeley: University of California Press, 1978.
-

Староверова Ирина Владимировна – канд. социол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству», г. Москва, Россия.
